

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

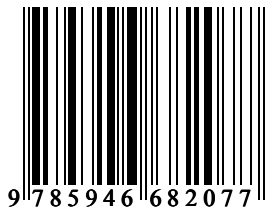
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБРАЗЕ ИГРОКА В «ПИКОВОЙ ДАМЕ»

Об одном из возможных прототипов Чекалинского

Вопрос о прототипах героев «Пиковой дамы» был поставлен давно, причем применительно к некоторым образам, казалось бы, и решен окончательно. Так, принято считать, что прототипом Чекалинского, встреча с которым за карточным столом стала катастрофой для Германна, является известный игрок Василий Семенович Огонь-Догановский (1776—1838), помещик Серпуховского уезда Московской губернии, дворянин Смоленской губернии.¹ Пушкин проиграл ему крупную сумму (24 800 рублей), переживал по поводу уплаты «долга чести», а потому, кажется, было вполне естественно для него вывести Огонь-Догановского в качестве персонажа своей повести и тем самым завершить эту историю не только финансово, но и психологически.

Вместе с тем Чекалинский, как и любой другой персонаж, несомненно, лицо собирательное. Об этом, в частности, пишет Г. Ф. Парчевский, по мнению которого в образе Чекалинского пушкинская фантазия соединила «карточную биографию» все того же В. С. Огонь-Догановского и внешность Ф. И. Толстого-Американца.² «Пиковая дама» буквально пронизана духом петербург-

¹ Вероятно, впервые об этом написал Ю. Г. Оксман, по мнению которого «в образе “славного Чекалинского” П<ушкин> дал почти портретную характеристику московского игрока В. С. Огонь-Догановского» (Оксман Ю. Г. «Пиковая дама» // Путеводитель по Пушкину. М.; Л., 1931. С. 279). При этом Оксман ссылается на письмо Пушкина к Огонь-Догановскому, хотя в письме не упоминается ни о замысле «Пиковой дамы», ни о намерении изобразить адресата в каком-либо произведении; не содержится там и словесный портрет Догановского (как не упоминается «Пиковая дама» в связи с Догановским и в других письмах Пушкина, где поэт вспоминает об этом игроке, — в переписке с женой и П. В. Нащокиным). Безоговорочно принимает эту версию как единственную и В. И. Доброхотов (см.: Доброхотов В. И. К истории замысла «Повести об игроке» // Московский пушкинист. М., 1998. [Вып.] 5. С. 293).

² См.: Парчевский Г. Ф. Пушкин и карты: «Налево ляжет ли вает?»). СПб., 1996. С. 90—96. Вместе с тем вряд ли к моменту работы над «Пиковой дамой» Ф. И. Толстой интересовал Пушкина именно как карточный партнер. Сам Федор Иванович писал П. А. Вяземскому из своего поместья Глебово 7 июня 1830 г.: «Пушкин с страстью к картам и с нежностью к Гончаровой, — для меня погиб...» (Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 95). На наш взгляд, очевидно, что для Толстого (бывшего посредником при сватовстве Пушкина к Н. Н. Гончаровой) совмещение страсти к карточной игре и респектабельности, необходимой для статуса семейного человека, в качестве которого он уже

ских легенд и преданий XVIII в.,³ и в образе Чекалинского также могли отразиться эти легенды.

Одним из легендарных игроков, сведения о котором вполне могли дойти до Пушкина, был Матвей Федорович Кашталинский (1726—1817) — церемониймейстер (1765—1774), а затем обер-церемониймейстер (1775—1797) при дворе Екатерины II, сенатор (1797—1798) при Павле I, действительный тайный советник (1797). По мнению П. И. Бартенева, «может быть, он некогда покровительствовал и Потемкину».⁴ Вот как пишет о нем С. Н. Глинка, помнивший Кашталинского после его отставки — когда сенатор приехал в свои смоленские имения: «Матвей Федорович Кашталинский был, как говорится, творцом судьбы своей. И он, как Потемкин, родился простым мелкопоместным шляхтичем. Двор, война и обширный замыслами ум усилили Потемкина; двор, карты и расторопность возвели Кашталинского на степень временной известности. <...> От одного ловкого выигрыша в макао при дворе Елизаветы и от ловкой утайки туза, мешавшего выигрышу, прослыла поговорка: “он туза проглотил”. Однажды Потемкин, не домогаясь выигрыша, проиграл победителю в макао сто тысяч; это просто подарок, и это намек на свое время».⁵

Характеризуя своего героя, Пушкин пишет: «Долговременная опытность заслужила ему <Чекалинскому> доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики» (VIII, 249). Открытость дома и наличие повара — необходимые качества не только игрока первой трети XIX в., но и вельможи минувшей эпохи. Л. Н. Энгельгардт вспоминал, что Г. А. Потемкин, бывший великим гастрономом, «обедать иногда ездил к Матвею Федоровичу Кашталинскому, у которого почитался самый лакомый стол и собирались знатнейшие карточные

воспринимает Пушкина, невозможно, — значит, провоцировать, подобно Чекалинскому, своего визави на игру Толстой просто не мог. Кроме того, факты участия Толстого и Пушкина в одной и той же карточной игре неизвестны. Наконец, и характер Толстого серьезно отличается от характера Чекалинского с его изначальным доминированием «мертвенной маски светской вежливости и показного радушия» (Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки. 1960—1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 2003. С. 809).

³ См. об этом, в частности: *Лернер Н. О.* История «Пиковой дамы» // Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 132—163; *Дебрецени П.* Блудная дочь: Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1996. С. 213—214.

⁴ *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1868. С. 50; примеч. П. И. Бартенева.

⁵ *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 15.

игроки».⁶ «Много вышло теперь сочинений в прозе и стихах о гастрономии, но едва ли где баловали вкус такие блюда, какие подносили у Кашталинского. В обеде были три перемены: две состояли из кушаний, а третья из закусок. У Кашталинского все было на серебре и золоте, но скука не перечила желудку. Он дарил вкусным обедом, и его дарили затейливой веселостью. <...> После лукулловского обеда в доме Кашталинского опускались на окна занавески, зажигались свечи, и начиналась резня в карты».⁷

Чекалинский у Пушкина — человек уже немолодой: «...лет шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сединою; полное и свежее лицо изображало добродушие; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою» (VIII, 250).⁸ Лицо Кашталинского, по воспоминаниям Глинки, также «цвело здоровьем, и он умел и имел средства поддерживать здоровье. Рано прибегнул он к парикю, чтобы каждое утро тереть голову льдом, в то же время освежался он прогулками и ваннами ароматными. <...> Оставя двор, Кашталинский перенес в смоленскую свою деревню жизнь столичную. Но он привез с собой и два волшебных талисмана богатых: привет и ласку».⁹

Причины приезда москвича Чекалинского в Петербург Пушкин не называет, однако очевидно, что одна из возможных — «измена Фортуны»: Чекалинский приезжает в Петербург, чтобы поправить дела. Схожая причина для приезда в столицу и у Кашталинского: «Повернулось и колесо судьбы нашего счастливица Лукулла; попал и он в просак карточный. Сотни тысяч уплыли, но он досадовал не на утрату денег, а на то, что опростоволосился. С этой досадой переехал Кашталинский в Петербург, где прежняя блестящая его звезда туманно закатилась в могилу».¹⁰

Легенды о «проглотившем туза» М. Ф. Кашталинском вполне могли дойти до Пушкина — тем более что сенатор-игрок умер в Пе-

⁶ *Энгельгардт А. Н.* Записки. С. 50.

⁷ *Глинка С. Н.* Записки. С. 15–16.

⁸ Г. Ф. Парчевский в качестве доказательства своей версии, согласно которой Пушкин использовал для портрета Чекалинского черты Ф. И. Толстого, приводит описание внешности Толстого, сделанное А. И. Герценом: «Один взгляд на наружность старика, на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело, показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы» (*Парчевский Г. Ф.* Пушкин и карты. С. 92). В 1833 г., когда создавалась «Пиковая дама», Толстому был 51 год, между тем описание Герцена (как и описание Л. Н. Толстого, на которое также ссылается Парчевский, — Там же. С. 90) относится к значительно более позднему времени.

⁹ *Глинка С. Н.* Записки. С. 15–16.

¹⁰ Там же. С. 16.

тербурге в 1817 г. — как раз тогда, когда уже «взрослый» Пушкин, выпущенный из Лицея, входит в столичные молодежные кружки. Фамилия Кашталинского звучанием своим, по нашему мнению, более напоминает фамилию Чекалинского, нежели Огонь-Догановский; при этом, как и фамилия Кашталинский, фамилия Чекалинский имеет «польское» звучание¹¹ (Матвей Кашталинский происходил из смоленской — польско-белорусской — шляхты).

Мы не можем утверждать наверняка, что сенатор М. Ф. Кашталинский был единственным и главным прообразом Чекалинского. Но, на наш взгляд, некоторые эпизоды биографии сенатора-игрока, легенды о нем и, наконец, само звучание его фамилии вполне могли всплыть в памяти Пушкина во время работы над «Пиковой дамой».

Александр Федута

¹¹ См. об этом, в частности: *Кончакова Е. В.* Гендерные и национальные аспекты «Пиковой дамы» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. № 1. С. 66–68.

ИСТОЧНИК ПУШКИНСКОЙ «ПОВЕСТИ ИЗ РИМСКОЙ ЖИЗНИ»

В библиографическом описании личной библиотеки Пушкина Б. Л. Модзалевский под № 1481 указывает книгу «*Vie privée, politique et militaire des Romains, sous Auguste et sous Tibère, Dans une suite de Lettres d'un Patricien à son Ami; Traduites de l'Anglais*» (Paris, 1801),¹ которая никогда не привлекала внимания исследователей, хотя, согласно пояснениям Модзалевского, она полностью разрезана и содержит явно пушкинские закладки, причем на одной из них имеется запись, сделанная его рукой. Несмотря на то что полностью разрезанных книг в библиотеке Пушкина не так много, а его пометы встречаются в них еще реже, никто не пытался объяснить, в чем заключался интерес Пушкина к этому произведению. Ни оригинальное название переведенного текста, ни его автор, ни переводчик ни разу не были указаны.

Книга представляет собой французскую переделку английского исторического эпистолярного романа Эллис Корнелии Найт

¹ *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 358.